

Достаточно ли было одних лекций в агитпунктах? Я говорил себе: «Если не эти люди, то, по крайней мере, их дети когда-нибудь вспомнят об Орловском».

Сумерки сгустились, но стемнеет еще не скоро. Вечера в июне здесь длинные, приближалось двадцать первое, когда календарь отметит самую короткую ночь в году.

— Что же касается меня, то я живу. Иногда меня так мучит боль, что мысль о пуле в лоб становится совершенно естественной, как необходимость дышать. Но ни в народе нашем, ни в нашей партии самоубийство никогда не было в особом почете. Я не сам дал себе жизнь и не могу решать, когда надо ее закончить. Я живу! Хотя я материалист и знаю: ничто в этом мире не вечно. То, что началось, в один прекрасный день окончится.

Он сделал несколько шагов, остановился, как будто хотел обнять сады, дома, все вокруг, прежде чем оно погрузится во тьму.

— Больше всего меня мучит то, что сделано лишь начало. Подумайте только — прежде наша Белоруссия никогда не жила мирной жизнью и двадцати лет подряд. Каждые десять—пятнадцать лет армии трогались в путь. И путь их всегда пролегал через нашу землю — и на Москву, и обрат-

но. А теперь — почти четверть века мы живем мирной жизнью.

Пришло время возвращаться, длинный июньский день приближался к концу.

— Некоторые спрашивают, что будет с «Рассветом» после того, как уйдет Орловский. Пожалуйста, не возражайте мне и не пытайтесь утешать — утешение для меня обида, а я бы не хотел, чтобы соотечественник Васи́ла Цанова меня обидел, как не хотел бы, чтобы обидел меня кто-либо из соотечественников Уго Лопеса...

Навстречу нам показалось большое стадо коров. Они были безрогие, словно так и родились. Коровы шли мимо нас, а головы их плали, тонули, сливались с сумерками...

Должен признаться, что по «Рассвету» меня водил не Кирилл Прокофьевич Орловский, а тот, кто пришел после него, — Василий Константинович Старовойтов. Диагноз врачей оказался безошибочным. Мне рассказали, что среди берез на краю села Мишковичи есть могила, на белом камне которой написано: «Орловский Кирилл Прокофьевич, январь 1895 — январь 1968». Когда мы закончили осмотр колхоза, товарищ Старовойтов предложил проводить меня к этим березам, потонувшим в лиловом облаке расцветшего люпина. Я отказался.

Перевод с болгарского С. ПАРХОМОВСКОЙ

ФАРЛИ МОУЭТ

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ

Советские журналисты окрестили ее Снежной Королевой. Александр Яковлевну Овчинникову, Председателя Верховного Совета Якутской Автономной Советской Социалистической Республики, члена Президиума Верховного Совета СССР, этот титул несколько не радует.

«Можно подумать, что я седовласая бабушка, а у меня, как видите, ни одного седого волоса! Что еще хуже, могут подумать, что речь идет о королеве скованного льдом сказочного царства на Северном Полюсе. Хотя я и в самом деле бабушка и очень горжусь этим. Но еще больше я горжусь своей Якутией; стыдно внушать людям, что наша Якутия — ледяная заснеженная пустыня».

Впервые я встретился с Овчинниковой на очень скучном официальном приеме на ЭКСПО-67 в Монреале. Она была скромно одета, иссиня-черные волосы гладко зачесаны назад, темные глаза смотрели внима-

тельно, на чистом смуглом лице — никакой косметики. В толпе чопорных дипломатов, чиновников и их дам эта безыскусная красивая женщина казалась настолько чужой, что меня — тоже чужого на этом сборище — сразу же потянуло к ней. И очень скоро мы дружески и весело беседовали с ней, не обращая на окружающих никакого внимания. Тогда я впервые попробовал кумыс, который Овчинникова привезла с собой из России. Я не имел никакого представления о том, кто она. И лишь после того, как она ушла, один из сотрудников Советского посольства спросил, какое впечатление произвела на меня встреча с президентом Якутии.

Наша следующая встреча произошла у нее в кабинете в Якутске. Она улыбнулась мне из-за своего письменного стола, на ко-

ФАРЛИ МОУЭТ
ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ

тором царил безукоризненный порядок, и спросила, не приехал ли я сюда затем, чтобы еще раз отведать кумыса. Был пронизывающе-холодный день, и отопление в Доме правительства оставляло желать лучшего, поэтому она накинула на плечи огромную шаль и грела ноги на электрокамине. Здесь Овчинникова еще меньше, чем в Монреале, была похожа на президента самой обширной автономной республики Советского Союза. Эта женщина с мягким голосом, полная внимания к собеседнику, остроумная, почти непрерывно улыбающаяся, никак не соответствовала моему представлению о человеке, облеченном властью. И тем не менее она вот уже более десяти лет занимала самый высокий пост в своей республике.

Когда я шутя заметил, что в Якутии наступает эпоха феминизации, Александра Яковлевна немедленно отпарировала: «Ничего подобного у нас не происходит. В этом нет никакой необходимости. Женщины и мужчины в Якутии всегда хорошо понимали друг друга. И нас, женщин, здесь по-настоящему уважают. Мы много делаем для того, чтобы заслужить это уважение. В старину мудрость женщин считалась у нас мудростью народа. И мужчины редко оспаривали это. Вот почему такая обыкновенная старая женщина, как я, стала президентом моей республики. Как вам нравится мое платье? — спросила она. — Вам оно должно понравиться. Я купила его в Канаде».

Овчинникова пользуется одинаковым уважением мужчин и женщин. С этим сталкиваешься повсюду.

Студентка-чукча из университета рассказала мне, как однажды она едва не оставила учебу из-за несчастной любви к молодому русскому инженеру-горняку. «Но, — сказала она, — прежде, чем уйти из университета, я решила посоветоваться с Овчинниковой. И я пошла к ней. Овчинникова сказала мне, что, если я сделаю это, она огорчится до слез. Я не сомневалась в том, что так оно и будет, и поэтому осталась в университете».

Людьми западного мира этот случай может показаться слащавым эпизодом из sentimentalного романа XIX века. Между тем якуты (как и большинство людей других национальностей в Советском Союзе) не отличаются эмоциональной сдержанностью, присущей англосаксам. Людям, которые знают Овчинникову, не трудно себе представить, что если бы девушка-чукча бросила университет, Александра Яковлевна действительно расстроилась бы до слез.

Овчинникова — человек многогранный. Не только влюбленные молоденькие девушки, но и опытные инженеры — специалисты в новых отраслях техники, — столкнувшись с трудностями, могут сразу же обратиться к ней за советом.

«Когда передо мной возникает сложная проблема, — сказал мне молодой инженер, работавший на строительстве газовой сети

в Якутске, — я обращаюсь к Овчинниковой. И если она сама не в силах помочь мне, она обязательно найдет человека, к которому нужно обратиться. Но, как правило, она и сама может дать дельный совет».

Эта женщина обладает удивительной непосредственностью — она, как школьница, залилась румянцем, когда мой спутник — фотограф Джон Девиссер — попросил разрешения сфотографировать ее. Александру Яковлевну пришлось долго уговаривать.

«Женщину моего возраста, — сказала она, — иногда можно слушать... но не обязательно видеть ее».

Через минуту, однако, она совершенно неожиданно сделала мне замечание, весьма недипломатичное как по форме, так и по содержанию.

«Когда же, наконец, вы, канадцы, начнете вести себя как взрослые, а не как малые дети? Неужели вы не понимаете, что вы позволяете всем, кому не лень, грабить вашу страну? Неужели вы не хотите бороться за то, что принадлежит вам и — что еще важнее — еще не родившимся поколениям? Меня это просто возмущает!»

Незадолго до моего приезда она принимала делегацию высокопоставленных канадских чиновников и политических деятелей и теперь, пренебрегая дипломатическими условностями, высказала мне начистоту все, что она думала об этих людях, определяющих политику и осуществляющих управление северными провинциями Канады.

«Когда я приезжала в Канаду, — сказала она, — они отказались познакомиться со мной с жизнью ваших аборигенов. Представители власти не захотели даже повести меня в павильон индейцев и эскимосов Канады на ЭКСПО. И несмотря на это, когда они приехали к нам, я решила непременно познакомиться с жизнью нашего народа. Представьте, они не проявили к этому никакого интереса! Им важно было лишь выяснить, как нам удастся строить шахты и шахтерские поселки в районах вечной мерзлоты! Неужели их несколько не интересуют люди? Неужели они хотят как можно быстрее превратить свою страну в колонию? Глухие людишки!»

На мой вопрос, следует ли считать это заявление официальным, она весело рассмеялась.

«Я знаю, что дипломатам это не по вкусу, но у женщины есть особая привилегия — высказывать все, что она думает и чувствует. И я этим пользуюсь в полной мере. Можете опубликовать все, что я говорю... Если у вас хватит на это смелости».

У меня хватило смелости задать ей острый вопрос: «Вы довольно резко отзываетесь о наших политиках, но не кажется ли вам, что Якутия подвергается эксплуатации со стороны европейской России точно так же, как эксплуатируют Канаду?»

Она очаровательно улыбнулась в ответ. «Товарищ Моуэт, у вас красивые голубые глаза. Но они существуют не только для украшения. Не сомневаюсь в том, что вы способны видеть. Вы бывали в Мирном,

Чернышевском и в десятке других мест моей республики. Как бы вы сами ответили на поставленный вами вопрос?»

Она немного помолчала, чтобы дать мне подумать, а потом продолжала: «Советский Союз — это много стран, но в то же время и одна страна. В прошлом некоторые части России были богаты, а другие очень бедны. Все оставалось бы по-прежнему, если бы народы, живущие в разных частях Союза, не научились помогать друг другу. Якутские алмазы и золото, например, помогают народам всей страны, а в ответ мы получаем помощь, которая нам необходима, чтобы стать сильным и счастливым народом в этом современном мире. Нас никто не эксплуатирует. Скорее даже наоборот. Но, пожалуйста, не говорите об этом москвичам».

За два дня до моего отъезда из Якутии я получил от Александры Яковлевны любезное приглашение на ужин. Я принял это приглашение с некоторым трепетом. Общаться с бескомпромиссной женщиной — дело нелегкое. Вечер в таком обществе представлялся мне суровым испытанием. Готовясь к этому, я попросил Ефремова рассказать мне подробнее о президенте Овчинниковой.

«Как все настоящие якуты, она родилась в тайге. Ее отец зарабатывал на жизнь тем, что пас скот вдали от дома, а в семье у него росло шестнадцать дочерей и два сына. Это было до революции. И в живых осталось только четверо детей. Одна из них — Александра. Нет такой силы на земле, которая могла бы сломить ее».

«Не вздумайте, пожалуйста, спрашивать, сколько ей лет. Она все равно этого никому не скажет. Когда к нам пришла советская власть, Александра была еще ребенком. И вместе с другими детьми она пошла в первую якутскую школу. Овчинникова упорно занималась, потому что, по ее словам, прежде всего надо было как можно скорее построить дороги, чтобы связать между собой все отдаленные уголки Якутии, с тем чтобы и до них поскорее дошла революция. После окончания средней школы Александра Овчинникова поступила в дорожно-строительный институт, получила специальность инженера и двадцать лет занималась строительством дорог и мостов по всей Якутии. Одновременно с этим она заочно окончила исторический и экономический факультеты».

Об Овчинниковой стали говорить повсюду, не удивительно, что ее избрали нашим президентом. Во всей Якутии не найдется человека, который бы столько сделал для нашей республики и в то же время пользовался бы такой любовью, как Александра Яковлевна. Правда, она всегда говорит напрямик, но мы к этому уже привыкли.

Я сказал, что также надеюсь привыкнуть к этому.

Впрочем, все мои опасения оказались напрасными. За ужином президент Овчинникова проявила еще одну сторону своего

характера. Она горячо почитает народные традиции, а одна из главных и нерушимых традиций ее народа — безграничное гостеприимство. Среди приглашенных на ужин гостей были представители местных народностей, люди, с которыми я уже успел познакомиться и которые мне нравились. С той минуты, как мы сели за стол, Овчинникова тонко и умело выступила в роли хозяйки, задавая тон на этом самом веселом вечере на моей памяти. Тосты произносились часто с чувством, но без сентиментальности. Говорили обо всем на свете, кроме политики. Мой добрый попутчик Юра Рытхэу так развеселился, что встал и запел песню на своем языке чукчи, к тому же это была любовная песня!

Совершенно неожиданно я, сам того не ведая, совершил страшную оплошность.

Возле каждого прибора рядом с бокалом для шампанского стояла деревянная чашка с кумысом. А в Якутии кумыс считается священным напитком, и с этим не шутят. И вот по рассеянности я налил шампанское в свою чашку с кумысом.

До меня дошло, что я натворил, лишь после того, как за столом воцарилось мертвое молчание. В страшном смущении я отдернул в сторону бутылку с шампанским, и оно выплеснулось на колени Александры Яковлевны.

Она рассмеялась приятным гортанным смехом, протянула руку к моей чашке с кумысом и попробовала ее содержимое. На мгновение Александра Яковлевна закрыла глаза, потом поднялась и произнесла тост: «Товарищи, друзья, — сказала она, — много тысяч лет назад якутский народ изобрел самый превосходный напиток на свете — наш кумыс! Мы думали, что нет ничего вкуснее. И вот теперь наш друг из Канады доказал, насколько мы заблуждались. Он изобрел такой великолепный напиток, который может изменить все. Это будет напиток мира, который поможет сблизить две наши северные страны. Прошу всех последовать примеру нашего дорогого гостя, а потом выпить за его здоровье и за его новое изобретение, которое отныне будет называться «кумпанским!»

Наш самолет вылетал на рассвете, и эта замечательная женщина к 10 часам вечера с большим тактом завершила встречу, подарив на прощание Джону и мне по великолепной зимней якутской шапке из ондатры.

«Джон и Фарли, — сказала она в своем коротком заключительном тосте. — Мы просим вас увезти с собой в Канаду нашу любовь к канадскому народу и наше горячее стремление к более тесной дружбе и взаимопониманию с ним. Мы также просим вас вскоре вернуться к нам и привезти с собой те же самые пожелания, которые мы сейчас посылаем с вами, потому что мы всем сердцем стремимся жить в любви и дружбе с вашим народом».

Надеюсь, что когда-нибудь мне удастся выполнить эту простую просьбу.

Перевод с английского Ф. ЛУРЬЕ